

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 3, pp. 491–500, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-491-500

«Прежде по Вашей милости я жил спокойно. Как быть? Рассудите, Ваше Светлейшество». Начало внутривосточного кризиса в Калмыцком ханстве в 1723 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Тепкеев В. Т., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье публикуется одно из последних писем калмыцкого хана Аюки российскому императору Петру I. *Целью исследования* является введение в научный оборот новых сведений об истории русско-калмыцких отношений первой четверти XVIII в. *Основным материалом* для данной работы послужил документ из фонда 119 («Калмыцкие дела») Архива внешней политики Российской империи, где отложилось большое количество письменных свидетельств калмыцкого народа. Ранее этот документ нигде не публиковался и на сегодняшний день является первой публикацией калмыцких писем из этого архива. *Результаты.* В статье представлен краткий исторический обзор событий, упоминаемых в одном из последних писем хана Аюки. Это ценнейший документ, который проливает свет на многие обстоятельства в истории возникновения внутрикалмыцкого конфликта 1723 г. *Выводы.* Письмо хана Аюки к российскому императору Петру I 1724 г. — это ценнейший источник по истории Калмыцкого ханства, и его ввод в научный оборот станет серьезным вкладом в изучение истории русско-калмыцких отношений XVIII в. Из содержания письма хана Аюки 1724 г. понятна его позиция в этом внутривосточном кризисе. Став одним из главных виновников срыва переговорного процесса между сыновьями Чакдорджаба и их вооруженного столкновения, Аюка в своем письме обратился за помощью к российскому императору. Внутрикалмыцкий конфликт не только серьезно ослабил его позиции как хана, но и создал условия для внешней угрозы Калмыцкому ханству.

Ключевые слова: исторические источники, русско-калмыцкие отношения, калмыцкое письмо, Петр I, Аюка-хан

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Тепкеев В. Т. «Прежде по Вашей милости я жил спокойно. Как быть? Рассудите, Ваше Светлейшество». Начало внутривосточного кризиса в Калмыцком ханстве в 1723 г. // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 3. С. 491–500. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-491-500

‘By Your Mercy I Used to Live Quietly. What to Do? Please, Arbitrate, Your Grace’: Revisiting the Beginnings of 1723 Political Crisis in Kalmyk Khanate

Vladimir T. Tepkeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Tepkeev V. T., 2022

Abstract. *Introduction.* The article publishes one of the last letters submitted by Khan Ayuka of the Kalmyks to the Russian Emperor Peter the Great. *Goals.* The work aims at introducing newly discovered correspondence dealing with Russian-Kalmyk relations in the first quarter of the 18th century. *Materials.* The document analyzed is contained in Collection 119 (‘Kalmyk Affairs’) of Imperial Russia’s Foreign Policy Archive that houses quite a number of written sources in Kalmyk history. The never-published document is the first Kalmyk letter from the mentioned archive to be made available to the public. *Results.* The paper provides a brief historical review of the events described in Khan Ayuka’s letter. The most precious document sheds light on multiple circumstances to have preceded the outburst of the internal Kalmyk conflict in 1723. *Conclusions.* The examined 1724 letter is an invaluable source in the history of Kalmyk Khanate that shall essentially add to further understanding of 18th-century Russian-Kalmyk relations. So, the text clarifies Khan Ayuka’s stance on the emerging internal crisis. Having been one of those who wrecked the negotiation process between Chakdorjab’s sons, Ayuka turns to the Russian Emperor for assistance in his letter. The domestic conflict not only significantly weakened his positions as Khan but also resulted in external threats to Kalmyk Khanate at large.

Keywords: historical sources, Russian-Kalmyk relations, Kalmyk letter, Peter the Great, Khan Ayuka

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Tepkeev V. T. ‘By Your Mercy I Used to Live Quietly. What to Do? Please, Arbitrate, Your Grace’: Revisiting the Beginnings of 1723 Political Crisis in Kalmyk Khanate. *Oriental Studies*. 2022; 15(3): 491–500. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-491-500

Введение

Данная статья является логическим продолжением публикаций писем калмыцкого хана Аюки, который сыграл существенную роль в становлении и развитии Калмыцкого ханства и русско-калмыцких отношений. Сохранившееся в российских архивах и библиотеках богатое письменное наследие калмыцкого народа позволит более полно осветить историю калмыков XVII–XVIII вв., поэтому публикация таких материалов вполне актуальна и востребована научным сообществом. В первую очередь это касается письменных посланий калмыцких правителей и тайшей русским монархам и первым лицам государства, которые несут в себе наиболее богатейшую историческую информацию.

Что касается писем калмыцкого хана Аюки (период правления: 1672–1724 гг.), то они в основном хранятся в трех архивохранилищах: Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК). Материалы фонда 119 («Калмыцкие дела») разделены между двумя федеральными архивами, в том числе и письменное наследие хана Аюки: документы с 1685 по 1719 гг. представлены в РГАДА, а с 1720 по 1724 гг. — в АВПРИ. В Национальном архиве Республики Калмыкия (фонд И-36 — «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе») они также представлены, но только с 1713 г., и в

основном касаются переписки хана Аюки с астраханской губернской канцелярией.

В последние десятилетия началась активная публикация писем хана Аюки, особенно на основе материалов Национального архива Республики Калмыкия. Так, Д. А. Сусеева опубликовала в своих работах практически всю его письменную переписку с астраханскими властями с 1714 по 1724 гг. [Сусеева 2003; Сусеева 2009]. Как справедливо она отмечает, письма Аюки изложены в традиционном эпистолярном жанре, что характерно для дипломатической переписки калмыцкой знати того времени: язык сжатый, ясный, точный с элементами образности и, несмотря на свою лаконичность, отражает динамизм и напряженность тех событий [Сусеева 2003: 15]. По содержанию ханские письма описывают не только внутреннее положение калмыцкого общества конца XVII – первой четверти XVIII в., но в них упоминаются постоянные войны и конфликты с соседними народами и государствами.

В 2016 г. впервые было опубликовано самое раннее письменное свидетельство Аюки, которое удалось обнаружить в фонде «Калмыцких дел» Российского государственного архива древних актов [Тепкеев, Нацагдорж 2016]. В монографии «Аюка-хан и его время», продолжилась публикация из этого архива писем хана Аюки, адресованных Петру Алексеичу [Тепкеев 2018]. В 2020 г. были опубликованы еще два письма калмыцкого хана Аюки, отправленные государю Петру Алексеичу и канцлеру Гавриилу Ивановичу Головкину [Тепкеев, Бембеев 2020].

Интерес представляет публикация одного оригинала и нескольких копий писем хана Аюки за 1708 г., хранящихся в Библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета [Успенский, Яхонтова 2021].

Материалы и методы

Источниковой базой к статье послужили документы фонда 119 («Калмыцкие дела») Архива внешней политики Российской империи. Материалы из этого фонда по истории калмыцкого народа очень редко вводятся в научный оборот, а письмо хана Аюки российскому императору Петру I 1724 г. в историографии публикуется впервые. Достоверность представленных архивных сведений проверялась путем выявления его происхождения, сравнения и сопоставления

с другими источниками, содержащими похожую информацию. Для получения достоверности сведений из калмыцкого письма хана Аюки автором использовался как исторический перевод XVIII в., так и современный, выполненный специалистом-монголоведом, кандидатом филологических наук Д. Б. Гедеевой.

Начало конфликта

29 февраля 1724 г. в Москву прибыли калмыцкие посланцы — Асан Шалеев с 10 сопровождавшими его лицами. Они привезли от Аюки два письменных послания к российскому императору Петру I, одно из которых впервые публикуется в данной работе. Ни в Москве, ни сами посланцы не знали, что уже к этому времени, 19 февраля, калмыцкий хан скончался. В Коллегию иностранных дел информация о его смерти поступила только 4 марта [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1724 г. Д. 7. Л. 4].

О своем плохом здоровье хан сообщал и в письме к государю, поэтому, возможно, он и предвидел свой скорый уход из жизни. Однако ситуация в Калмыцком ханстве в этот период была весьма напряженной, так как внуки престарелого хана в 1723 г. развязали вооруженный конфликт за передел улуса покойного старшего ханского сына Чакдорджаба. В разрешении этого конфликта Аюка возлагал большие надежды на российское правительство, о чем он также просил в своем послании.

Началу политического кризиса в ханстве послужила смерть Чакдорджаба 19 февраля 1722 г. Старший ханский сын был не только практически главнокомандующим калмыцкими войсками, но и владельцем наиболее крупного улуса, не считая того, что подвластные ногайцы (едисаны и джембойлуки) также ему подчинялись. По данным В. М. Бакунина, Чакдорджаб выделил сыновьям только часть своих кибиток: Досангу — 1 000, Баксадай-Дорджи — 500, Нитар-Дорджи — 200, Гунцук-Джапу — 100, Дондук-Даши — 400, Данджин-Дорджи — 400 и Бату — 400. Себе он оставил только 4 000 кибиток, но без кибиток оставались еще и малолетние его сыновья, полнородные братья Дондук-Даши — Бодонг, Соллом-Допчин, Дорджи-Раш, Яндык и Бусурман-Тайджи [Бакунин 1995: 34, 35].

Перед смертью Чакдорджаб завещал своим сыновьям держаться вместе и во всем слушаться старшего сына Досанга, который

и возглавил крупное отцовское владение, а также получил его печать [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 4]. При сожжении праха отца многочисленные сыновья поклялись друг перед другом «в твердом содержании завещание отца», о чем сообщили своему деду Аюке, который их в этом также подержал [Бакунин 1995: 35].

Стремление Чакдорджаба сохранить в целостности свой многочисленный улус вполне понятен, но очевидно, что такое решение далеко не всех устраивало. Рожденные от разных матерей сыновья стремились получить достойную часть своего отцовского наследства в виде отдельного улуса с наибольшим количеством кибиток. К тому же главенство Досанга устраивало далеко не всех его братьев, особенно тех, кто был рожден от другой матери. Вероятно, в этом вопросе имело влияние деда Аюки и других родственников, рассчитывавших на раскол владения Чакдорджаба. Смерть старшего ханского сына обострила и другой важный вопрос — кто будет главным наследником престарелого хана, так как в 1714 г. Аюка в присутствии цинских послов официально объявил Чакдорджаба своим наследником, вручив ему одну из двух своих ханских печатей.

Во время встречи Аюки с Петром I в Черном Яру в 1722 г. хан представил государю сына Церен-Дондука, рожденного от Дарма-Балы, как наследника престола [Бакунин 1995: 35]. Однако у правительства был свой кандидат на ханское место после Аюки — это Дорджи Назаров, двоюродный племянник хана, у которого в том же году граф П. А. Толстой по поручению Петра I в Астрахани тайно взял «реверс» (обязательство) [Батмаев 1993: 195]. Но был еще один претендент, который, умело скрывая свои цели и сталкивая между собой других претендентов, ожидал удобного случая, чтобы захватить власть в ханстве, — это Дондук-Омбо [Батмаев 1993: 195].

По мнению М. М. Батмаева, хану Аюке все-таки удалось расколоть наследников покойного старшего сына, расчищая дорогу Церен-Дондуку и затрудняя ее Досангу [Батмаев 1993: 195]. Аюка приказал своему внуку, Дондук-Даши, часть своих кибиток отвести от Досанга и с младшими полнородными братьями присоединиться к нему. Поводом этому стала информация о готовившемся якобы покушении Досанга

на жизнь Дондук-Даши. Однако основная часть кибиток беглецов оставалась во владении Досанга, и они от старшего брата требовали их передачи [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 4, 6].

Но Досанг не собирался добровольно передавать им кибитки, поскольку придерживался данной отцу клятве сохранить владение. Дондук-Даши с братом Бодонгом решили более радикальным способом разрешить этот конфликт и 9 февраля 1723 г. совершили нападение на улус Досанга, в ходе которого были убиты 10 и ранены 20 человек. Ближайшее окружение Досанга и астраханская администрация губернатора А. П. Волынского в открытую подозревали хана Аюку в поощрении этой акции [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 3, 6].

Досанг во главе войска выехал к Дондук-Даши, чтобы на месте выяснить причину нападения на его улус. Документы отчетливо свидетельствуют, что Досанг стремился мирно разрешить конфликтную ситуацию с братом, так как понимал, что за спиной Дондук-Даши стоят Аюка и Дондук-Омбо. Однако хан всячески отрицал свою причастность к этому и обещал разрешить конфликт на законном основании. Приказав Досангу и Дондук-Омбо с войсками двигаться к нему, Аюка 20 февраля обратился к властям с просьбой расположить в районе Селитренного городка российское войско. Но астраханская администрация не спешила вмешиваться в конфликт, так как не имела еще полное представление о данной ситуации [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 3, 4].

23 февраля Досанг по призыву деда примириться с братьями все-таки отправился в ханскую ставку, куда уже съехались знатные калмыцкие владельцы и высшие духовные лица. Съезд должен был разрешить создавшуюся конфликтную ситуацию, чтобы в дальнейшем она не стала угрозой для безопасности калмыцких кочевий. Однако во время проведения этого мероприятия стало известно об уходе на Дон дербетского тайши Четера и братьев Ямана (Септена, Дамрина и Халухайчи). Аюка срочно приказал Церен-Дондуку и Дондук-Омбо с войсками выдвинуться вслед за ними и не допустить их ухода. Таким образом, съезд калмыцких владельцев, главной целью которого было примирение братьев, был перенесен на летний период. В марте калмыцкое

войско вернулось из похода на непокорных владельцев, стремившихся откочевать на Дон. Выяснилось, что Четер и братья Ямана передумали уходить, но отныне они находились под подозрением у хана Аюки [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 3, 4, 5, 6].

Разрастание конфликта

В октябре 1723 г. во владении Досанга произошло еще одно событие, усилившее раскол, — это уход его брата Бату с двумя тысячами кибиток во владение деда Аюки [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 18].

На съезде калмыцких владельцев и духовенства Досанг не присутствовал, но просил его участников принять решение по конфликту с Дондук-Даши и Бату. После совещания участники съезда приняли вполне компромиссное решение — отправить к Досангу делегацию, куда входили и представители духовенства, с предложением разделить между братьями отцовские кибитки, но с сохранением принципа совместного кочевания. Аюка выступал против такого решения съезда, но Дорджи Назаров, выражая мнение большинства, настоял на его принятии. В состав делегации, отправленной к Досангу, вошли хошутский владелец Дондук, ханский зять, и представители других владельцев и духовенства [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 18, 19].

Однако это решение съезда не устроило конфликтующие стороны. В личной беседе с В. П. Беклемишевым Аюка по этому поводу ему жаловался: «Я де их разводил и других владельцев для миру их призывал, хотя де они многажды договаривались, но в том не устояли и меня не слушают» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 28].

Так как Досанг обратился с официальной просьбой к императору вмешаться и разрешить их конфликт, то Аюка пригласил его к себе для суда. Не дождавшись приезда старшего внука, хан отправил к нему делегацию, в которую попросил войти Шакур-ламу, сноху Габилю — мать Дондук-Даши, а также В. П. Беклемишева. Последнего Аюка попросил для того, чтобы тот лично убедился в искренности Досанга уладить конфликт мирным путем: «то де будешь ты (т. е. Беклемишев. — В. Т.) у нас свидетелем и видеть будешь, чья неправда и упрямство» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 28].

В. П. Беклемишев согласился войти в состав делегации, которая 3 октября 1723 г.

прибыла к Досангу. На следующий день В. П. Беклемишев лично встретился с Досангом и его братом Баксадаем-Дорджи, который заверил его в своей верности российскому государю. Однако он не чувствовал уверенности в своих силах и просил российские власти защитить его от брата Дондук-Даши, которого считал «плутом и неверным холопом» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 28]. В. П. Беклемишев просил Досанга прекратить конфликт, так как Дондук-Даши мог уйти на Кубань, а это никак не отвечало российским интересам. По словам Досанга, он готов был к миру и для этого призывает Дондук-Даши приехать к нему, что готов отдать ему его улус, но с условием совместного кочевания [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 29].

Представители съезда предложили Досангу передать улус Дондук-Даши его матери Габиле, которая кочевала бы с ним совместно. Аюка обещал примирить Досанга с братьями при поручительстве Шакур-ламы. Но Досанг без позволения губернатора А. П. Волынского не желал мириться и требовал включить в группу посредников и В. П. Беклемишева [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 5. Л. 31].

Но переговоры все же сдвинулись с мертвой точки, и 8 октября Габиле сообщила В. П. Беклемишеву, что Досанг возвращает ей улус сына, и на этом основании она призвала к себе Дондук-Даши и других сыновей. На следующий день Шакур-лама окончательно договорился с Досангом об отдаче им улуса брату и совместном с ним кочевании. Он отправил эту весть Аюке, чтобы тот прислал Дондук-Даши к старшему брату [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 31].

Однако Аюка решил переиграть условия примирения. 13 октября к Шакур-ламе и Габиле он прислал Санджи-даргу с требованием, чтобы Досанг и Дондук-Даши прибыли к нему в ставку, где и должно было произойти их окончательное примирение. Досанг поделился с В. П. Беклемишевым своим сомнением относительно этого условия. Однако, все взвесив и доверившись обещанию Шакур-ламы в безопасности поездки, Досанг и Нитар-Дорджи во главе войска из 500 калмыков и ногайских едисан 26 октября от р. Берекети выехали в ханскую ставку. В ставку, расположенную в урочище Болхухум, около Черного Яра, они

прибыли 5 ноября [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 29, 31, 32].

На следующий день, 6 ноября, состоялась встреча Досанга с Аюкой, которая происходила ночью и длилась около четырех часов. Вопрос о ссоре и примирении братьев, по словам Досанга, они не затрагивали. 7 ноября Аюка потребовал у Досанга отправить обратно свое войско во главе с Нитар-Дорджи, а самому остаться в ханской ставке с десятком человек. Только в этом случае Дондук-Даши готов был встретиться со старшим братом и разрешить проблему по калмыцкому суду. В противном случае он готов был прибыть в ставку с Дондук-Омбо и Церен-Дондуком, у которых войско втрое численно превосходило [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 32, 33].

Досанг через Шакур-ламу выдвинул Аюке-хану встречное условие — он готов в течение четырех дней встретиться с Дондук-Даши и Бату, даже если они придут с войском, но категорически возражал, чтобы на встрече присутствовали Дондук-Омбо и Церен-Дондук. Духовные лица — Шакур-лама и Гелен-эмчи, выступая своего рода гарантами безопасности Досанга, рядом с его кибиткой поставили свои. Однако Аюка не согласился с этим условием, и Досанг 8 ноября отбыл к себе в улус [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 33].

Как позже сообщал Баксадай-Дорджи, после приезда Досанга к Аюке тот предложил ему передать часть улуса Дондук-Даши, а самому остаться при нем, отправив обратно сопровождавших его людей. Однако Досанг отказался от такого предложения. Он получил тайное предупреждение от Шакур-ламы об угрозе его жизни, что Аюка якобы отдал приказ собирать войска против Досанга. Шакур-лама советовал ему обратиться за помощью к российскому правительству [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 5. Л. 31, 32].

8 ноября Аюка прислал к В. П. Беклемишеву двух калмыцких судей, Денджина и Асана, с объявлением, что Досанг, не дожидаясь суда, уехал к себе домой, а Церен-Дондук, Дондук-Даши и Дондук-Омбо выдвинулись против него с войсками. В. П. Беклемишев призвал хана не допустить военного столкновения, указав, что Досанг кочует под Астраханью, и правительственные войска будут его защищать [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 33].

Очевидно, что Аюка пытался не только сорвать эти переговоры, но и сделать виновным в их срыве Досанга. Чтобы разрешить этот конфликт силовым способом, он никак не ожидал такой реакции от российского представителя, который открыто выступил на стороне Досанга. 9 ноября Аюка передал В. П. Беклемишеву, что будет на него жаловаться государю [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 34]. На следующий день Аюка уже более миролюбиво попросил совета у В. П. Беклемишева, каким образом воздействовать на внуков, которые его не слушают. Хан упрекнул российского представителя в том, что астраханский губернатор А. П. Волынский в этом конфликте поддерживает Досанга якобы за то, что тот подарил ему сотню лошадей. Аюка попросил В. П. Беклемишева выехать в улус Досанга и не допустить столкновения [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 35, 36].

Вооруженное столкновение на реке Берекети

Далее события развивались уже по следующему сценарию. 17 ноября В. П. Беклемишев уже был у Досанга, который кочевал в 30 верстах от Красного Яра, т. е. в непосредственной близости от Астрахани. В это время он активно готовился к отражению нападения на свое владение и просил военной помощи у астраханских властей [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 8. Л. 36].

18 ноября Досанг снова писал в Астрахань о приближении к его улусу войска под началом Церен-Дондука, Дондук-Омбо, Дондук-Даши, Бату и Данджин-Дорджи. Он просил срочно прислать 5 пудов пороха и 5 пудов свинца [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 5. Л. 32].

19 ноября Аюка уже констатировал, что Досанг с Дондук-Даши «вступили в ссору» и просил прислать императорского указа о недопущении между ними войны [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 5. Л. 31, 32].

Несмотря на то, что Аюка-хан демонстративно дистанцировался от этого события, А. П. Волынский был уверен в его причастности к разжиганию конфликта. По мнению губернатора, хан сознательно ссорил внуков, чтобы усилить позиции сына Церен-Дондука, «чтоб их улусами розбить и нарочно, и тем обезсилить». А. П. Волынский с двумя ротами солдат срочно выехал в улус Досанга, который стоял за Красным Яром [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 5. Л. 32, 33].

23 ноября из Астрахани к реке Береке-ти, где находился Досанг, выехал капитан В. П. Беклемишев с отрядом из 200 солдат. 24 ноября рано утром позиции Досанга были атакованы подошедшим войском Дондук-Омбо и младшего ханского сына Галдан-Данджина. Стороны сошлись, и, как отмечали свидетели, бой был «огненной и лучшей». Только в третьем часу дня губернатор на шлюпке прибыл к месту сражения, которое сразу же прекратилось. Противоборствующие стороны разошлись. А. П. Волынский немедленно призвал к себе для примирения Дондук-Омбо. Тайша согласился и утром следующего дня прислал человека с жалобой на Досанга. Губернатор призвал конфликтующих срочно встретиться [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 5. Л. 34].

Дондук-Омбо принял предложение губернатора, но, пока они двигались к месту переговоров, он прислал человека с письменным предупреждением, чтобы губернатор не вмешивался в их конфликт, иначе, как сообщал А. П. Волынский, «они будут со мною поступать как с неприятелем» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 5. Л. 34].

Угроза губернатору была весьма дерзким поступком со стороны Дондук-Омбо. Стоя с войском на возвышенности, он велел А. П. Волынскому не двигаться в их сторону, пригрозив начать стрельбу. Затем 10-тысячное войско в боевом порядке демонстративно двинулось на отряд астраханского губернатора и остановилось от него буквально в 300 сажнях. Решительное вмешательство губернатора заставило конфликтующие стороны перейти к переговорам, и владельцы стали съезжаться. Губернатор договорился с Дондук-Омбо, что утром к нему придет В. П. Беклемишев, однако тайша со своими сторонниками ночью ушел вниз по реке [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 5. Л. 35].

После подсчета потерь выяснилось, что Досанг лишился 6 тыс. кибиток с конскими табунами и скотом. В его распоряжении оставалось только 2 тыс. кибиток, которые кочевали под Астраханью с «великой нищетой» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 5. Л. 28]. По мнению А. П. Волынского, его приезд, по существу, спас Досанга от полного разгрома, а людские и материальные потери уже не играли большой роли [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1724 г. Д. 5. Л. 8].

Император с тревогой встретил известие о конфликте между калмыками и потребовал от Аюки не допустить его расширения. Однако наметившемуся примирению помешало новое нападение на улус Досанга. 30 января 1724 г. Дондук-Даши и эркетеновский зайсанг Халухайчи вновь атаковали позиции Досанга, нанеся ему серьезный урон [Цюрюмов 2007: 170; Цюрюмов 2005: 48].

Лишившись большей части своего владения, Досанг уже не мог контролировать подвластных ногайцев, доставшихся ему от отца, которому они подчинялись. По всей видимости, ногайские мирзы больше всего опасались того, что в ходе внутрикалмыцкой борьбы за кибитки они также окажутся объектом раздела. Досанг пошел на беспрецедентный шаг, когда фактически добровольно освободил ногайских мирз, чтобы те могли уйти на Кубань, хотя бы на время калмыцкой междоусобицы. 8 января 1724 г. Баксадай-Дорджи сообщил В. П. Беклемишеву, что все их подвластные ногайцы ушли на Кубань, кроме обедневших полторы тысячи человек, не имевших скота и кормившихся рыбой [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1724 г. Д. 7. Л. 2].

После переправы через Куму они разошлись по трем направлениям: одни двинулись на Терек, другие присоединились к кабардинцам, третьи ушли за верховья Кубани. Позже кубанцы смогли их снова объединить в одно владение [Пальмов 1929: 153, 154].

Весть о калмыцкой усобице быстро разлетелась по соседним регионам. Сложившаяся ситуация делала калмыцкие кочевья весьма уязвимыми для набегов соседних народов. Уход едисан и джембойлуков на Кубань также создавал угрозу набегов с кубанского направления, поскольку ушедшие с Волги ногайцы хорошо были осведомлены об уязвимости калмыцких улусов.

Письмо хана Аюки

Именно в этих условиях 29 февраля 1724 г. приезжает в Москву калмыцкое посольство от хана Аюки, который в своем письменном послании к императору кратко излагает причину и ход конфликта, а также просит у него совета, как ему поступить с внуками. Будет правильным в данной статье опубликовать копию документа (факсимиле 1), а также ввести в научный оборот текст современного перевода ханского письма, выполненный специалистом-монголоведом, кандидатом филологических

наук Д. Б. Гедеевой.

Причина подачи письма Предопределенно-му Небом Великому Светлейшему императору. Мы все были очень рады услышать, что, благодаря милости Неба, не ослабеваю во внешних и внутренних делах управления, Вы пребываете в благополучии и добром здравии. Я, Аюка хан, с благословения Трех Драгоценностей также пребываю здесь в благополучии и добром здравии.

Причина поведать о частях моих кочевий такова. Я уже прежде раздал своим сыновьям их долю. Потом сыновья Чакдоржаба, не соглашаясь с выделенной долей, стали конфликтовать и приехали ко мне. Я сказал [Чакдоржабу], чтобы он отдал конфликтующему сыну его долю. По моему совету он отдал ее. После смерти своего отца, когда [Досанг] забрал людей своих младших братьев, не получивших в свое время наследство, его младшие братья пришли ко мне с просьбой, чтобы я помог им забрать их наследство. Я много раз передавал [Досангу], чтобы мы все вместе через суд отдали всем их наследство. Он не прибыл. В конце концов я отправил [к нему] своего главного ламу. Я услышал, что, направляясь ко мне с ламой, он идет с войском. Я трижды отправлял к нему своего посланца со словами, что это неправильно, что надо приходиться с малым количеством людей. Но он не послушался и пришел с войском. Досанг зашел ко мне в дом, а Нитар-[Дорджи] предложили поест, но он не стал [заходить] и расположился снаружи со своим вооруженным войском. Тогда многочисленные братья все разом ушли, сказав, что [Досанг] приехал ко мне с войском, забрав их людей, не отдает наследство своим младшим братьям. Они не стали говорить ему, чтобы он прекращал это. Сейчас отправились [к Досангу] и забрали его кочевье. Сам он сбежал к [астраханскому] губернатору [А. П. Волынскому]. Губернатор задержал моего хорошего человека, несправедливо ими задержанного, и сейчас держит его, заставляя [его] страдать. Мой народ говорит, что, подковав их лошадей, приказал на них напасть.

Досанг, говорят, послал своего помощника-ногайца посланцем к крымскому нуреддину-султану. Когда он вернулся вместе с посланцем от султана, то более двадцати тысяч моих ногайцев ушли [на Кубань]. Я просил губернатора попытаться забрать у посланца письмо. Забрал или нет, я не знаю. Мои дербеты ушли на Дон. Я болен. Прежде по Вашей милости я жил спокойно. Как быть? Рассудите, Ваше Светлейшество.

Один подарок — персидский шелк, один подарок — гостинцы в платке. Посланец — Асан Иши с десятью [сопровождающими].

Выводы

Чакдорджаб, сконцентрировав в своем владении наибольшее количество калмыцких и ногайских кибиток, создал все условия для дальнейшего серьезного передела наследства после своей смерти в 1722 г. Его предсмертное завещание о сохранении целостности улуса под началом старшего сына Досанга не устраивало не только отдельных его сыновей, Дондук-Даши и Бату, но и других калмыцких владельцев, включая и самого престарелого хана Аюку.

Вполне очевидно, что хану Аюке было вполне под силу разрешить этот конфликт в самом зародыше. Тем более, что съезд калмыцких владельцев принял достаточно компромиссное решение о разделе владения Чакдоржаба между его сыновьями, но с сохранением его целостности. Однако Аюка не согласился с таким решением и сделал все возможное для дальнейшего разжигания конфликта, при этом он пытался сделать виновным в срыве переговоров Досанга.

Стремление хана Аюки ослабить сыновей Чакдоржаба путем раздела улуса Чакдоржаба было вызвано еще и решением вопроса о престолонаследии в Калмыцком ханстве. Наличие сильных владельцев, имевших крупные улусы, никак не входило в его планы, так как это могло помешать в будущем становлению власти наследника в лице сына Церен-Дондука.

Дондук-Даши, Дондук-Омбо и Бату изначально выступали за силовое решение конфликта, имея в этом поддержку в лице своего деда. Но они никак не ожидали реакции от астраханского губернатора А. П. Волынского, который открыто выступил на стороне Досанга и призвал конфликтующие стороны к переговорам.

Письмо хана Аюки к российскому императору Петру I 1724 г. — это ценнейший источник по истории Калмыцкого ханства и его ввод в научный оборот станет серьезным вкладом в изучение истории русско-калмыцких отношений XVIII в. Из содержания письма хана Аюки понятна его позиция в этом внутривосточном кризисе. Став одним из главных виновников срыва переговорного процесса между сыновьями Чак-

дорджаба и их вооруженного столкновения, он в своем письме обратился за помощью к российскому императору. Внутрикалмыц-

кий конфликт не только серьезно ослабил его позиции как хана, но и создал условия для внешней угрозы Калмыцкому ханству.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

Литература

- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 158 с.
- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2 кн. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.
- Пальмов 1929 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3–4. Астрахань: Издание Калм. Обл. Исп. Комитета, 1929. 391 с.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. 992 с.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2018. 359 с.
- Тепкеев, Бембеев 2020 — *Тепкеев В. Т., Бембеев Е. В.* «Я очень возрадовался тому, что

References

- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 158 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. The Kalmyks, 17th–18th Centuries: Events, Personalities, Household Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. Parts 3–4. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1929. 391 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Kalmyk Khans and Their Contemporaries, 1713–1771. Elista: Dzhangar, 2009. 992 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries, 1714–1724: A Linguosociological Study. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Khan Ayuka and His Era. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 359 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T., Bembeev E. V. “I greatly rejoiced

Sources

Foreign Policy Archive of the Russian Empire.

- по указу Великого Белого Царя наше дело будет решаться». Письма калмыцкого хана Аюки к государю Петру Алексеевичу и канцлеру Г. И. Головкину в 1714 г. // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 223–235.
- Тепкеев, Нацагдорж 2016 — *Тепкеев В. Т., Нацагдорж Ц. Б.* Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки // Монголоведение. 2016. № 8(1). С. 5–12.
- Успенский, Яхонтова 2021 — *Успенский В. Л., Яхонтова Н. С.* Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в Библиотеке СПбГУ // Тибетология в Санкт-Петербурге: сб. ст. Вып. 2. СПб.: Петербургское востоковедение, 2021. С. 267–294.
- Цюрюмов 2005 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династических усобиц. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2005. 160 с.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2007. 464 с.

when our business was to be resolved by a decree of the Great White Tsar...”: Letters of the Kalmyk Khan Ayuka to the Emperor Peter Alekseevich and Chancellor G. I. Golovkin (1714). *Herald of an Archivist*. 2020. No. 1. Pp. 223–235. (In Russ.)

- Tepkeev V. T., Natsagdorj Ts. B. A 1685 letter as one of the earliest sources on Ayuka Khan. *Mongolian Studies*. 2016. No. 8(1). Pp. 5–12. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate as Part of Russia: Political Relations Revisited. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. Kalmytskoe Khanate in 1724–1741: Chronicles of Dynastic Feuds. Elista: Dzhangar, 2005. 160 p. (In Russ.)
- Uspensky B. L., Yakhontova N. S. Early 18th-century letters of Kalmyk landlords at St. Petersburg University Library. In: *Tibetology in St. Petersburg. Collected papers*. Vol. 2. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2021. Pp. 267–294. (In Russ.)

